

Валдайские
записки

#11 | Февраль 2015

Возвращение реальной
политики: Стабильность против
изменений в миропорядке
по-американски

Уильям К. Уолфорт

По всему миру все больше говорят о возвращении «реальной политики». Речь идет о том, что после периода безоблачной глобализации в 1990-х годах и ожесточенной борьбы с терроризмом и повстанческими выступлениями в первом десятилетии 2000-х годов на первый план снова выходят интересы великих держав и геополитика. Это широко распространенное мнение точно резюмировал Уолтер Рассел Мид, который писал:

«Идет ли речь о захвате российскими войсками Крыма, агрессивных притязаниях Китая на прибрежные территории, проведении Японией все более решительной политики, или попытках Ирана занять доминирующее положение на Ближнем Востоке за счет союза с Сирией и «Хезболлой», казалось бы вышедшие из употребления силовые методы возвращаются в международные отношения».¹

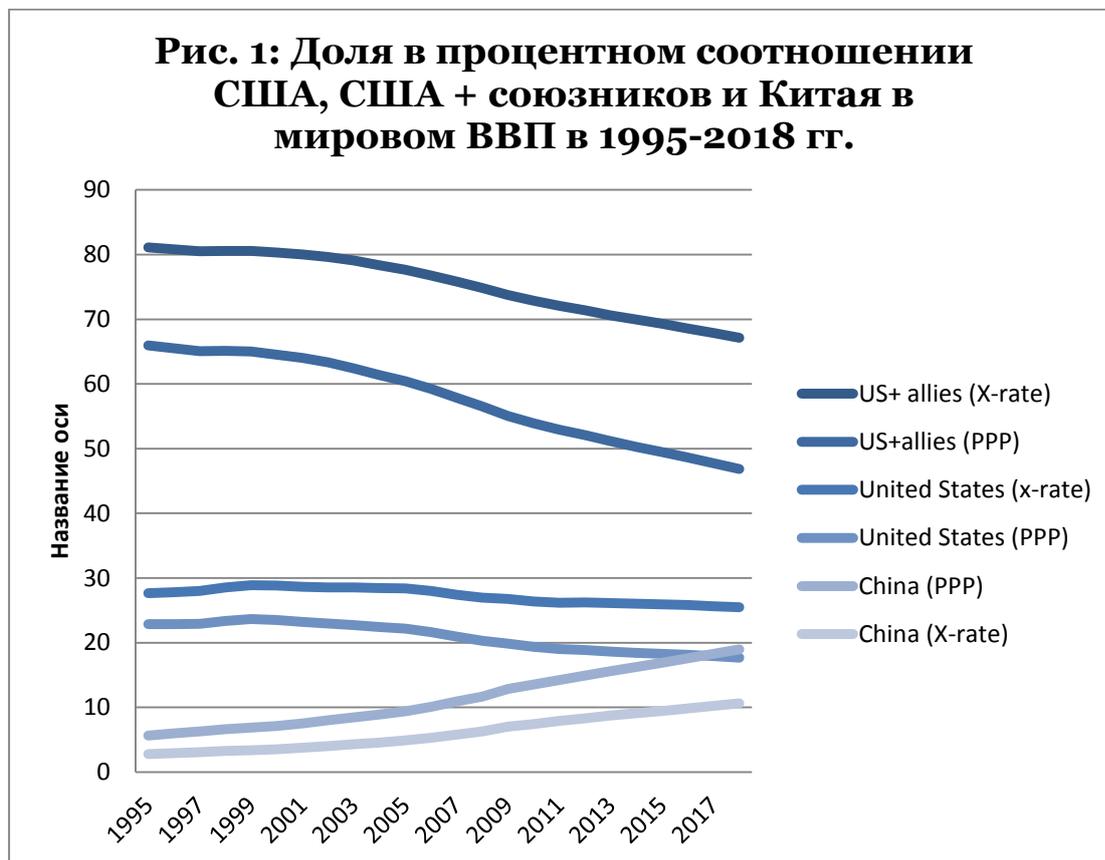
В глазах многих аналитиков происходящее в современном мире нарастание конфронтации является проявлением полномасштабного конфликта, связанного с изменением миропорядка, доминирующую роль в котором пока играют США. Именно в этом заключается смысл популярной идеи о конце «однополярного мира» и формировании многополярной, гораздо более конфликтной системы. На этой идее основано все более популярное сравнение с 1914 годом: подъем современного Китая отождествляется со стремительным развитием Германии накануне Первой мировой войны. Однако некоторые специалисты не согласны с такой точкой зрения, считая ее алармистской. По их мнению, либеральный мировой порядок достаточно прочен и способен продолжить принимать в свои ряды новые страны. По мере развития таких быстрорастущих стран, как Китай, пишет Джон Икенберри, «у них появляется необходимость защищать все больше «активов», что приводит к их еще большей интеграции в существующий порядок».²

Тщательное рассмотрение вопроса о соотношении сил позволяет составить более точное представление о положении дел. Реальная политика определяется соотношением между материальными ресурсами и возможностями, что в современном языке называется «жесткой силой», с одной стороны, и легитимностью, влиянием и способностью достигать желаемых результатов, с другой стороны. С этой точки зрения речь вовсе не идет о «возвращении» к ведению политики с позиций силы. Такие подходы вовсе не были забыты и использовались всегда. Окончание холодной войны, распад Советского Союза и последовавшее в 1990-е годы расширение сферы влияния введомого США альянса западных стран вовсе не привели к отказу от политики с позиции силы. В действительности, в своем перечислении случаев применения «силовых методов» Уолтер Рассел Мид забыл упомянуть страну, которая постоянно действовала таким образом. Речь идет о Соединенных Штатах Америки. Отличие текущего периода от предыдущих заключается в том, что применение «силовых методов» стало более явным, поскольку другие страны стали активнее сопротивляться. В притязаниях Китая на приобретение новых морских территорий или его позиции относительно присутствия США в Азии нет ничего нового. Нет ничего нового и в недовольстве России приближением западных институтов безопасности к ее границам. Единственным отличием является готовность правительств этих стран более настойчиво отстаивать свои интересы.

Сторонники идеи о «возвращении реальной политики» правы в том, что касается вероятности нарастания конфронтации, особенно если доминирующие государства, несмотря на продолжающийся упадок, не откажутся от своих притязаний на глобальное господство. В то же время, ошибочно игнорируются ограничивающие факторы, в силу которых проведение каких-либо аналогий с прошлым абсолютно несостоятельно. Можно выделить три таких ограничивающих фактора: в настоящее время происходит смещение, а не смена центров власти; развязывание крупномасштабной войны между ведущими державами исключено, поскольку такое столкновение не может служить эффективным средством изменения системы; а многочисленные международные организации создают для стран, претендующих на расширение своего влияния, невиданные ранее преграды. Совокупность этих факторов ограничивает возможности стран, которые недовольны существующей расстановкой сил, и является гораздо более существенным препятствием для попыток изменения существующего порядка, чем думают многие.

1. СМЕЩЕНИЕ, А НЕ СМЕНА ЦЕНТРОВ ВЛАСТИ

Заявления о конце или скором исчезновении однополярного мира уже стали банальностью. По словам Кристофера Лейна, «система международных отношений переживает переходный период от однополярного мира. По мере ослабления доминирующей роли США на смену миропорядку, установившемуся после 1945 г., так называемому Pax Americana, придет новый миропорядок, который еще не приобрел конкретных очертаний».³ Под такими заявлениями подразумевается, что грядут исторические перемены, в результате которых вся система в корне изменится.⁴ В реальности все гораздо сложнее. С середины 1990-х годов доля Соединенных Штатов в мировом ВВП постепенно снижалась. Однако экономический рост Китая и упадок союзников США следует считать гораздо более существенными изменениями.

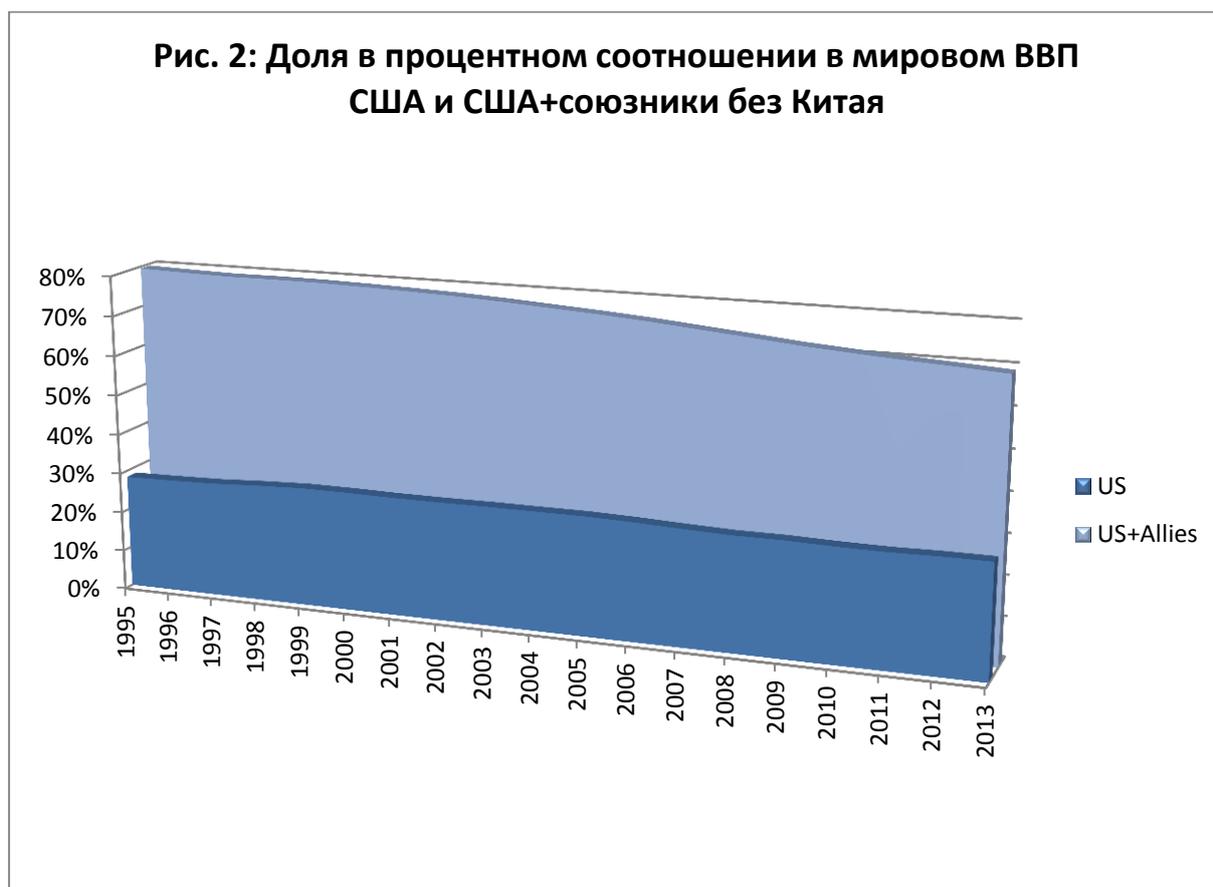

Примечание: данные за 2013-2018 гг. приводятся в соответствии с оценками Министерства сельского хозяйства США и Международного валютного фонда. К союзникам относятся страны НАТО, страны ЕС и Западной Европы, которые не входят в НАТО, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Израиль и Саудовская Аравия.

Источник: [Департамент экономических исследований Министерства сельского хозяйства США](#), исследование «Перспективы мировой экономики» Международного валютного фонда.

Другими словами, захватившая умы политиков и обозревателей идея смещения центров власти сводится к стремительному экономическому развитию Китая. Как показано ниже на Рис. 2, если бы Китая не было, или если бы по динамике экономического роста с 1990 года Китай напоминал Японию, мысль об упадке США никому бы даже в голову не пришла. Дело не в появлении стран с быстрорастущей экономикой, БРИКС, подъеме Востока или каких-либо других сил, а в стремительном экономическом росте Китая. Эту страну можно отнести к отдельной категории, поскольку она отличается от великих держав и других стран, претендующих на такой статус тем, что является единственным государством, имеющим реальный шанс в последующие десятилетия стать супердержавой. Однако на данный момент

единственным явным шагом в этом направлении стал рост ВВП. Только по этому показателю государственной мощи Китай может сравняться с США.

Примечание: ВВП по номиналу. Данные за 2013-2018 гг. приводятся в соответствии с оценками Министерства сельского хозяйства США. К союзникам относятся страны НАТО, страны ЕС и Западной Европы, которые не входят в НАТО, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Израиль и Саудовская Аравия.

Источник: [Департамент экономических исследований Министерства сельского хозяйства США](#)

Можно отказаться от термина «однополярность» и вместо этого назвать систему, сформировавшуюся после 1991 года, «миром одной сверхдержавы». Понятие «сверхдержава» в этой связи можно определить как страну, способную гарантировать безопасность в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. То есть подразумевается, что сверхдержава обладает необходимыми военными силами и отношениями в рамках альянсов, а также достаточным уровнем безопасности в своем собственном регионе для того, чтобы проводить крупные

военно-политические операции во многих ключевых регионах мира. Очевидно, что США соответствует этому определению. Основой сложившейся на данный момент системы отношений между странами является как раз участие США в альянсах, обеспечивающих безопасность в ключевых регионах Европы, Восточной Азии и на Ближнем Востоке.

Условием реальной смены или смещения центра власти является конец «господства одной сверхдержавы» в результате появления второй сверхдержавы (то есть возвращения к биполярному миру) или нескольких держав, которые бы лишили США возможности гарантировать безопасность своих союзников (мир без сверхдержав или многополярный мир).

Говорить о смещении или смене центров власти в связи с экономическим подъемом Китая можно только в том случае, если экономический рост ведет к усилению других ключевых атрибутов государственной власти. Основываясь на исторических примерах оспаривания статуса сверхдержавы, многие ученые и обозреватели сочли, что рост ВВП неизменно ведет к росту могущества страны, в силу чего Китай может стать сверхдержавой в достаточно сжатые сроки. Так же, как этого добились в 20-м веке Вильгельмовская или нацистская Германия или Советский Союз.⁵

Однако в опубликованной мной в соавторстве со Стивеном Бруксом статье мы пришли к выводу, что такое мнение неверно.⁶ Тому есть две причины. Во-первых, численность населения в стране, претендующей на статус сверхдержавы, и в доминирующей стране, были сопоставимы. Когда по своему экономическому развитию они достигали уровня доминирующего государства, одновременно росло и их благосостояние и технологическая оснащенность, по которым они либо опережали, либо находились на одном уровне или хотя бы приближались к уровню страны-лидера. Например, когда Германию времен Вильгельма Второго стали считать соперником Британии за мировое господство, Германия была богаче, более технологически продвинута в ключевых областях, а ее экономика по своему размеру была больше британской. Современный Китай, со своей огромной численностью населения, хоть и может сравниться с США по экономическим показателям, все равно остается гораздо более бедной и отсталой страной. Даже Советский Союз, где наличие тоталитарной системы управления компенсировало относительную отсталость, на пике холодной войны был гораздо богаче современного Китая по сравнению с Соединенными Штатами.⁷ Кроме того, на начальных этапах холодной войны Москва находилась на одном или даже более высоком уровне развития по сравнению с США в некоторых стратегически-важных технологических областях. До достижения такого уровня Китаю еще далеко.

Во-вторых, в нашей с г-ном Бруксом статье выделяется ряд причин, в силу которых сейчас гораздо сложнее трансформировать показатели ВВП в другие факторы государственной мощи, в особенности военной, чем в середине 20-го века. Стало гораздо сложнее разрабатывать и эффективно использовать современные системы вооружений, чем в середине 20-го века. Таким образом, для того, чтобы соперничать с США на равных, Китай должен соответствовать гораздо более высоким требованиям, чем страны, некогда претендовавшие на статус

сверхдержавы, при этом располагая менее развитой экономикой и технологиями. Таким образом, Китай наверняка еще долго будет оставаться в своем нынешнем статусе претендента на звание сверхдержавы.

К этому следует также добавить демографический фактор. Китай хоть и большая, но относительно бедная страна по сравнению со странами, претендовавшими на статус сверхдержавы в прошлом. Кроме того, впервые в истории население страны-претендента стареет быстрее, чем в доминирующей стране. Во всех предыдущих случаях смещения центра власти, и страна-лидер, и страна-претендент были с точки зрения демографии молодыми государствами. Китай столкнется с финансовыми и другими проблемами, связанными со старением населения, раньше и в гораздо более жесткой форме, чем Соединенные Штаты. Система меняется; Китай растет, а в ЕС и Японии наблюдается спад. Однако в Соединенных Штатах такого спада, который бы привел к утрате статуса единственной сверхдержавы, нет и в ближайшее время не предвидится.

2. НЕВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ВОЙНЫ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

Как разрушить устоявшуюся систему международных отношений? Растущие страны, недовольные своим местом на мировой арене, пытаются изменить систему, вызывая сопротивление доминирующих стран, которые стремятся сохранить свои прерогативы. Каждая из сторон убеждена, что у нее хватит сил отстоять свои позиции. Основным способом преодоления таких противоречий, если, конечно, такие теоретики, как Роберт Гилпин, не ошибаются, является полномасштабная война с участием всех или большинства крупных стран. Война за мировое господство не только позволяет найти новый баланс между ресурсами различных элементов системы и их статусом, но и служит «уникальным по своей силе проводником перемен в мировой политике, поскольку в огне такой войны уничтожаются и дискредитируются старые структуры и появляются новые державы-лидеры или гегемоны».⁸

К счастью, возможность подобной войны крайне низка, поскольку речь идет о государствах, обладающих ядерным оружием и гарантированной возможностью нанесения ответного удара, а их безопасность, будущее могущество и экономическое процветание не зависят от прямого контроля над чужой территорией. Может ли произойти что-нибудь еще? Рэндалл Швеллер утверждает в своей новой книге, что нет. Другие воображаемые катастрофические события, например, глобальный экономический кризис, пандемия или стихийное бедствие, хоть и могут привести к широкомасштабным разрушениям, не обусловлены политической логикой и, таким образом, не могут выполнять определенных политических функций. По мнению Швеллера, «войны за мировое господство отличаются именно наличием у них политических целей и функций по изменению системы международной политики, наиболее важной из которых является обеспечение восшествия на престол мирового господства нового суверена и зачистка международной арены от возможности каких-либо глобальных потрясений».⁹ С точки зрения автора, только война за мировое господство может привести к появлению новой сверхдержавы, прояснить отношения между центрами власти и сравнить с землей старую институциональную систему международных отношений, расчистив для нового гегемона путь для установления своих правил. «Горькая историческая правда, – пишет Швеллер, – заключается в том, что конфликты с применением силы не только позволяют покончить с

политической инерцией и экономической стагнацией, но и нередко служат проводником радикальных и прогрессивных исторических перемен».¹⁰

Чтобы понять суть вопроса, необходимо проанализировать условия формирования современной системы. Вторая мировая война считается наиболее разрушительным конфликтом в современной истории. Хотя эта война привела к падению ряда великих держав, ее результаты вовсе не были однозначными, ведь господство США на море, в воздухе и экономике было относительно по отношению к доказанному в бою превосходству в обычных вооружениях армии Советского Союза в Евразии.¹¹ Несмотря на то, что война не позволила прояснить баланс сил между США и СССР, она обеспечила Соединенным Штатам огромное экономическое преимущество не только за счет величайшего в истории «кейнсианского толчка», но и за счет уничтожения или нанесения огромного ущерба экономикам всех крупнейших мировых держав. В результате войны были созданы предпосылки для начала холодной войны, без которой проект Америки по построению своего миропорядка никогда бы не приобрел такую утонченность и масштабность. По итогам войны советские войска оказались в центре Европы, что создало условия без которых НАТО не была бы создана. Все это привело к созданию самой организованной и долговечной системы альянсов, дав Вашингтону стимул превзойти внутреннее сопротивление для утверждения в качестве мирового лидера, при этом подчинив своей воле союзников за счет беспрецедентного давления. Кроме того, наследием Второй мировой войны стали невиданные ранее гуманитарные и экономические кризисы, своевременно преодолеть которые были в силах только Соединенные Штаты.

События, которые могли бы принести системные изменения не меньшего масштаба, сложно себе представить. Если идея Гилпина о том, что «война за мировое господство исторически служила основным механизмом реализации системных изменений в мире», верна, и если не ошибается большинство ученых, которые утверждают, что в эпоху ядерного оружия вероятность такой войны маловероятна, обеспечить системные перемены сейчас гораздо сложнее, чем в прошлом. При невозможности конфликта, сопоставимого по масштабам с мировой войной, добиться свержения какого-либо миропорядка гораздо сложнее.

Соответственно, в научных и общественных дискуссиях недооценивается сложность появления нового мирового лидера и переоценивается хрупкость миропорядка, в центре которого находятся США. Стандартные подходы к изучению системных изменений не учитывают тех факторов, которые способствовали появлению современного миропорядка под эгидой США. Вторая мировая война является уникальным примером в новой и новейшей истории, когда старый порядок был уничтожен, отношения между США и союзниками прояснились, и появилась биполярная система, которая способствовала построению США своего миропорядка за счет установления контроля над системой международных отношений. С этой точки зрения, ожидания наступления «века Китая» или «Pax Sinica» представляются надуманными.

3. ИНСТИТУТЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ

В современной системе международных отношений гораздо больше различных институциональных структур, чем во времена предыдущих смещений центров политического влияния. При этом эти организации играют для США гораздо более важную роль при реализации стратегических амбиций по сравнению с ведущими державами прошлого. Есть все основания утверждать, что это делает систему только прочнее. Если это действительно так, то современный порядок не такой податливый, как утверждают его защитники. В этой связи ключевое значение имеет наличие тесной связи между международными организациями и национальной стратегией.

Через речи президента США Барака Обамы и руководства США красной нитью проходит мысль о сохранении традиционной приверженности США многосторонним международным организациям, которые они рассматривают как основу реализации национальной стратегии глобального лидерства. В верхушке американских внешнеполитических кругов, а также во многих политологических исследованиях о международных организациях, утвердилось мнение, что нацеленность на лидерство и сотрудничество в рамках международных организаций позволяет Соединенным Штатам решать широкий круг проблем.¹² Общеизвестно, что стабильный, открытый, основанный на не слишком жестких правилах миропорядок, выгоден Соединенным Штатам. По мнению большинства ученых и политиков, такая система межгосударственных отношений в большей степени отвечает интересам США, нежели закрытость, то есть когда миропорядок основан на блоках и сферах влияния и лишен основополагающих и общепризнанных правил и институтов. В научном сообществе давно утвердилась точка зрения, что в условиях взаимозависимости и, в особенности, по мере того, как эта взаимозависимость становится все глубже и сложнее, институционализация сотрудничества представляется все более выгодной для государств.

Возможно, самым важным преимуществом такой системы является то, что сложное сплетение устоявшихся правил и институтов представляет основную гарантию сохранения статуса-кво. Эта мысль подкрепляется результатами научных исследований за последние сто лет и была резюмирована знаменитым высказыванием Икенберри о присущем институциональным системам «эффекте блокировки». «Негибкость», которой славятся международные организации, обусловлена эффектом «колеи», рутинизацией, интернализацией и многими другими причинными механизмами, которые обеспечивают сопротивление изменениям. Эти факторы активно используются теми, кто нацелен на сохранение статуса-кво и соперниками ревизионистов. Очевидно, что эта же «негибкость» не устраивает тех, кто в целом доволен существующим раскладом сил, но хотел бы пересмотреть правила, регулирующие международную систему. Это касается инициатив Европы и в меньшей степени США по изменению правил в отношении законности военного вмешательства в суверенные государства. Страны БРИКС могут опереться на существующие правила для выражения своего несогласия с изменениями, которые им не нравятся, и, в то же время, пользоваться противоречиями существующих правил для защиты своих прерогатив. Учитывая, что США продолжают выступать за сохранение статуса-кво, а существующий институциональный порядок отражает их ключевые предпочтения, «негибкость» системы международных организаций в целом выгодна Соединенным Штатам и является основным стимулом для защиты такого порядка.

США сильно заинтересованы в том, чтобы играть определяющую роль в формировании системы международных организаций и ее деятельности. Однако это не означает, что такой подход лишен недостатков. Встраивание национальной стратегии в рамки международных организаций может ограничить возможности и гибкость США. Во-первых, существует проблема исключения. Претензии США на мировое лидерство по своей природе порождают исключения. Так, американское руководство считает соблюдение обязательств в сфере безопасности перед партнерами и союзниками в Европе и Азии необходимым условием лидерства США, но такие обязательства по определению ведут к исключениям и ограничениям. До тех пор, пока эти обязательства будут играть определяющую роль в деятельности США на международной арене, страны, против которых направлены эти обязательства, в особенности, Китай и Россия, никогда не смогут в полной мере интегрироваться в такой миропорядок. В результате, исключается возможность достижения согласия между ведущими державами, то есть преимущества от усиления институционального сотрудничества сегодня могут в будущем привести к отчуждению потенциальных партнеров. Эта проблема становится все более острой по мере роста могущества и недовольства исключенных стран.

Второе наблюдение носит более умоглядный характер. Американские политики могут в долгосрочной перспективе столкнуться и с другими ограничениями. Дело в том, что они свято верят во взаимозависимость всех составляющих стратегии лидерства США: обязательства США в области безопасности обеспечивают лидерство, которое, в свою очередь, необходимо для сотрудничества. Сотрудничество требуется для обеспечения безопасности и лидерства США в других не менее важных областях. В результате, создается мощный отрицательный стимул не отказываться ни от одного обязательства. По отдельности, отказ США от гарантий безопасности, предоставленных Южной Корее, Тайваню или НАТО, имеет смысл. Однако если считать, что какое-либо единичное отступление США от своих обязательств подрывает их лидерство повсюду, предпринять любой шаг по снижению своего влияния очень сложно. Такие соображения обычно выходят на первый план, когда американские власти сталкиваются с доводами в пользу сокращения своего присутствия на международной арене.¹³

В целом, в силу существования сформировавшегося институционального порядка, странам, которые недовольны лидерством США, сложно отстаивать свои позиции. В то же время, в такой системе США сложнее пойти на ограничение своего лидерства. Эти последствия отчетливо проявились в ходе кризиса на Украине. Ограничительная природа НАТО сыграла важную роль при определении политического курса России. Кроме того, действующие в рамках организации политические и организационные приоритеты значительно затруднили согласование решения об окончательном отказе о вступлении Украины в НАТО, несмотря на то, что за такое решение выступали многие члены альянса. В результате, сложилась ситуация, в которой присущие организации приоритеты привели к конфликту с крупной державой. Способность идти навстречу странам, претендующим на рост своей роли на международной арене, ограничивается центральной ролью институциональных структур в стратегии государства-лидера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что отношения между странами станут более жесткими, а управлять миром будет все сложнее из-за возникновения препятствий на пути сотрудничества и периодически появляющихся причин для военных конфликтов. В то же время, разговоры о смене или смещении центров власти являются преувеличением. Исторически такие изменения становились результатом войн за мировое господство. Как убедительно показал Швеллер, другие важные события не несут в себе политических механизмов, необходимых для перестройки международной политической системы. Соответственно, покончить с существующим сейчас американским миропорядком гораздо сложнее, чем считают многие современные наблюдатели. Более того, происходящее сейчас смещение центров власти носит гораздо более умеренный характер, чем можно было бы предположить, судя по риторике и преувеличениям, с помощью которых обычно описываются эти изменения. Вся аргументация сводится к достижению Китаем уровня США по степени развития экономики. Однако в силу ряда причин, китайским властям гораздо сложнее преобразовать экономические показатели в другие элементы, необходимые для достижения статуса сверхдержавы, в частности, в силу относительной бедности по отношению к стране-лидеру и сложности соперничества с ведущими державами на равных в военной сфере. Если же и таких доводов недостаточно, можно добавить, что Китай вынужден действовать в рамках устоявшейся, упорядоченной системы международных организаций, которая по своей природе препятствует любым ревизионистским побуждениям.

Уильям К. Уолфорд, Дартмутский колледж

¹ “The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers, Foreign Affairs May/June 2014

² Интервью с Асахи Шимбун, 13 сентября 2013 г.

<http://ajw.asahi.com/article/views/opinion/AJ201309130001>

³ Layne, “The Sound of Distant Thunder,” p. 45. См. также Layne, “This Time It’s Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana” *International Studies Quarterly* 56 (2012) 203-13; Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М. – Аспект Пресс. 2013; National Intelligence Council (2012) *Global Trends 2030: Alternativ Worlds* <http://www.dni.gov/index.php/about/organization/national-intelligence-council-global-trends>

⁴ William C. Wohlforth, “How Not to Evaluate Theories.” *International Studies Quarterly* 56, (2012), 219-222.

⁵ See Ward Status and Revisionism chap. 1

⁶ Stephen G. Brooks, and William C. Wohlforth (2014) *America Abroad: The United States’ Global Role in the 21st Century* (unpub. Book MS) Dartmouth College.

⁷ По оценкам Мэддисона, в 1960 г. ВВП на душу населения в СССР составлял 35% от аналогичного показателя в США; в настоящее время, по оценкам Всемирного банка, ВВП на душу населения в Китае составляет 11% от ВВП США в номинальном выражении и 18% по ППС.

⁸ G. John Ikenberry, *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars* (Princeton: Princeton University Press, 2000): 254, n. 134.

⁹ Randall L. Schweller, *Maxwell’s Demon and the Silver Hammer* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014), 143.

¹⁰ *Ibid.*, 107.

¹¹ William Wohlforth, *Elusive Balance: Power and Perceptions in the Cold War* Ithaca: Cornell University Press, 1993).

¹² S. G. Brooks, G. J. Ikenberry, and W. C. Wohlforth, “Don’t Come Home, America: The Case Against Retrenchment,” *International Security* 37 (2012-13): 7-51.

¹³ Существует целый пласт научных исследований, в которых эта идея взаимозависимости ставится под сомнение. По мнению придерживающихся такого мнения авторов, репутация не формируется в результате действий по отношению ко всем проблемам или случаям, или что в каждом отдельном случае репутация действующего лица формируется по-отдельности. Таким образом, отказ от обязательств в одном регионе или области никак не влияет на оценку авторитетности действующего лица в другом регионе или области. Однако в силу искренней и неистовой веры политиков в то, что обязательства взаимозависимы, это понятие стало неотъемлемой частью институциональной стратегии.